

Иван Владимирович Радиков

Модернизация российской повседневности в конце XX–начале XXI века: эффекты и влияние на политическую активность граждан

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

повседневность, бытие, повседневный мир, структура повседневности, модернизация

Повседневная жизнь стала с 50–60 годов прошлого столетия объектом исследования для целого ряда гуманитарных дисциплин, однако пристального внимания российских политологов она еще не привлекала, оставаясь слабо концептуализированной в контексте социокультурных трансформаций, в том числе модернизационного типа, переживаемых Россией на протяжении трех последних столетий. В настоящее время в России оформилось несколько точек зрения на рассмотрение данного понятия. Первая – пренебрежительное отношение к повседневности из-за её обыденности, рутинности, привычности. Несмотря на то, что повседневность сопровождает человека от его рождения до смерти, в российском общественном сознании она, как правило, воспринимается как нечто шаблонное, косное, неизменное, недостойное особого внимания. Но отсутствие интереса к повседневности вовсе не означает, что она отрефлексирована. Скорее дело в том, что повседневность с трудом поддается рефлексии – достаточно трудно дать определение привычному, «бывающему всегда» или «осуществляемому изо дня в день». Поэтому изучение повседневности, например, социологами, было связано лишь с процедурами удовлетворения материальных и духовных потребностей в процессе обеспечения жизнедеятельности, рекреации и социализации человека.

С другой стороны повседневность – неисчерпаемый источник познания человека не только в исторической, но и в реальной действительности. Сама

повседневность может быть причиной и источником инноваций, лежащих в развитии общества, оказывать влияние на политическое поведение граждан. Повседневные практики способны оказывать на развитие институциональности общества и изменение сущности институтов даже большее влияние, нежели воздействие со стороны власти. В связи с этим в российской гуманитарной науке высказывается идея о необходимости создания особой научной дисциплины «коммансологии» или «повседневноведения», актуализируется необходимость политологического анализа данной проблемы.

За последние годы существенно вырос теоретико-методологический инструментарий изучения повседневности. В 90-х годах XX века было критически переосмыслено ее понимание. Получив в качестве ориентира определения А. Шюца¹, П. Бергера и Т. Лукмана, рассматривающих повседневный жизненный мир как область реальности, которую индивид воспринимает как данность, как само собой разумеющееся, как мир рутинной работы, мир работы, особую форму восприятия и осмысления мира, возникающую на основе трудовой деятельности², российские исследователи гуманитарного направления, соглашаясь с такими существенными характеристиками повседневности как «бодрствующее внимание», привязанность к практической деятельности, коммуникативность, дополнили его разнообразным содержанием. Например, культурологу Л.Г. Ионину повседневная жизнь представляется как процесс жизнедеятельности индивидов, «развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий»³. В отличие от него, А.В. Ахутин подчеркивает, что повседневностью является искусственно созданный мир, который потом превращается в культуру. Он говорит о двойственности человеческого мира повседневности: целесообразном мире практической деятельности, где правит здравый смысл и о фантастическом, избыточном мире формул понимания мира⁴. Философ Б.В. Марков утверждает, что повседневность – это привычки, стереотипы, правила, мышление и переживания людей, их поведение, деятельность, регулируемая нормами и социальными институтами⁵. На аксиологическом смысле повседневности акцентирует особое внимание Г.С. Кнабе. Он обращает наше внимание на

¹ Использованный А. Шюцем термин *Alltaglichkeit* означал и повседневность, и будничность, и обыденность, и заурядность.

² А. Шюц, *Структура повседневного мышления* «СоцИс» 1988, № 2, с. 129; П. Бергер, Т. Лукман, *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*, Москва 1995, с. 52.

³ Л.Г. Ионин, *Повседневная культура*, [в:] *Культурология XX век. Энциклопедия*. Т. 2, СПб 1998, с. 122–123.

⁴ А.В. Ахутин, *Мир повседневности*, [в:] *Теоретическая культурология*, Москва, Екатеринбург 2005, с. 371.

⁵ Б.В. Марков, *Храм и рынок. Человек в пространстве культуры*, СПб 1999, с. 129–130.

то, что абсолютизация повседневности как ценности превращается в абсолютизацию ее практицистской стороны. По его мнению, «комфортно ориентированный современный быт начинает монополизировать, подчинять себе, начинает судить все явления духовной жизни по своим критериям»⁶. Вместе с тем, повседневность – это не просто рутинная и бесконечная череда дней, это, прежде всего становление ценностей, обретение навыков, выработка смысла существования и действий человека⁷.

Основываясь на этих и других представлениях, под повседневностью мы будем понимать совокупность привычных, рутинных, повторяющихся форм и стереотипов жизнедеятельности человека, специфический круг социальных отношений, в котором проявляются социокультурные противоречия и конфликты, происходит столкновение ценностей, присущих различным типам сознания и осуществляется тот или иной выбор индивида, его линия поведения.

Повседневность – открытая система, имеющая подвижные, проницаемые границы, пронизана массой сложных взаимосвязей с окружающим миром: с одной стороны, повседневность определяется воздействующими извне идеями, ценностями, а с другой, сама повседневность становится причиной и источником инноваций, лежащих в развитии общества, является основой его институционализации.

Не случайно М. Хайдеггер, отмечал, что концепт повседневности неотделим от жизнедеятельности субъекта, так как человек может существовать только внутри бытия и через свое *присутствие* как обозначение «здесь-бытия» определяет «бытие-в-мире», давая тем самым возможность проявиться бытию. Следовательно, *повседневность* немислима вне *бытия* (общего и индивидуального), постижение как повседневности, так и бытия обеспечивается существованием таких общих составляющих как наличие материальных вещей, присутствие идеальных и социальных компонентов, событийностью и повторяемостью действий⁸.

Всесторонний анализ повседневного мира позволяет выделить три важнейших его характеристики:

1. В силу своего рутинного характера повседневность в большей мере, чем другие социальные сферы, обеспечивает преэминентность социокультур-

⁶ Г.С. Кнабе, *Диалектика повседневности*, [в:] *Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима*, Москва 1993, с. 52.

⁷ С.М. Фролова, *Повседневность как основа институционализации общества*, «Известия Саратовского университета», Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика 2012, Выпуск № 3, Т. 12, с. 60.

⁸ М. Хайдеггер, *Бытие и время*, СПб 2006, с. 110.

ных форм, позволяет «сохранить в изменениях неизменность, а неизменность делать формой изменений»⁹.

2. Чем устойчивее повседневность общества, тем более оно жизнеспособно, прочно и стабильно, тем менее болезненно происходят в нем различные трансформации.
3. Устойчивость и стабильность повседневности не исключает изменений. Повседневность постоянно меняется. Все изменения повседневности в тернарных культурах носят системный характер и затрагивают одновременно как объективные структуры, так и интерпретационные схемы, накладываемые на них людьми: «система, возможно, полностью изменилась, но она изменилась как система; она никогда не подрывалась и не низвергалась; даже при своей модификации она все еще остается подходящим инструментом для управления жизнью»¹⁰.

Помимо этих характеристик, для выявления значимости повседневности в политическом мире, обозначим также несколько важных методологических позиций:

1. Изменение структуры повседневности детерминировано воздействием быстро развивающихся информационных процессов и коммуникативных технологий, других культур в условиях глобализации и усиливающейся миграции, быстрых и непредсказуемых трансформаций социальных институтов общества. В свою очередь изменяющаяся структура повседневности может детерминировать политические изменения. Основатель социогенетической теории цивилизаций Н. Элиас в своей статье «О понятии повседневности» показал, что «структура повседневности не обладает характером более или менее автономной структуры, но является частью структуры определенного социального строя. Поскольку один слой нельзя рассматривать изолированно, повседневность является также частью властных структур всего общества»¹¹.
2. Характер повседневности может определяться идеологией¹². Напомним вывод Г. Маркузе, который показал, как современная западная культура с ее достоинствами комфорта, технической оснащенности, удобства бытия, безопасности существования – может рождать репрессивную терпимость всех членов общества и их «однородность»¹³.

⁹ Ю.М. Лотман, *Культура и взрыв*, Москва 1992, с. 268.

¹⁰ А. Шюц, *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*, Москва: Институт фонда «Общественное мнение» 2003, с. 215.

¹¹ Н. Элиас, *Понятие повседневного*, [в:] *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*, СПб 2001, с. 24.

¹² К группе таких мыслителей относятся марксисты, представители структурализма, социальной феноменологии, этнометодологии.

¹³ Г. Маркузе, *Репрессивная толерантность*, <http://coolib.com/b/277449/read.12.07.2015>.

3. Важно видеть не только действия индивидов в социальных процессах, но и роль их переживаний и мыслей¹⁴.

Особо сложные и неоднозначные процессы в сфере повседневности происходят во время модернизации экономической и политической сфер. Перемены, происходящие в России в последние десятилетия, могут быть рассмотрены как очередной этап модернизации, осуществляемый в принципиально иной ситуации, когда ряд наиболее развитых стран мира вступил уже в новый – постиндустриальный или информационный этап. Вместе с тем, исследование специфики российской модернизации и ее влияния на политическое поведение человека в рамках традиционного сопоставления Россия-Европа или Россия-Запад имеет существенный методологический недостаток. Складывается впечатление, что есть некая универсальная модель модернизации и отклонение от нее не только недопустимо, но и страдает издержками. В этой связи напомним, что модернизация дословно означает «осовременивание», то есть – обновление, приведение чего-либо в соответствие с требованиями сегодняшнего дня. Тем не менее, сопоставление модернизационных процессов в разных сферах жизнедеятельности государств и обществ позволяет определить степень их эффективности.

Содержание процессов изменения повседневности в России и западных государствах существенно и априорно отличается. Еще М. Вебер заметил, что христианская аскеза на Западе, как духовная основа повседневности, «превратилась в систематически разработанный метод рационального жизненного поведения, целью которого было преодоление *status naturae*, освобождение человека от иррациональных инстинктов, от влияния природы и мира вещей и подчинение его жизни некоему планомерному стремлению, а его действий – постоянному *самоконтролю и проверке* их этической значимости»¹⁵. Иными словами, именно протестантская этика, наложив существенные ограничения на традиционный уклад жизни, в значительной степени предопределила становление на Западе стабильных форм жизнедеятельности. Не менее важную роль в формировании повседневной жизни сыграли отношения власти. С конца XVII–начала XVIII в. в Европе формируется такая система власти, которая «выражает себя не через право, а через определенную технику власти, с помощью не закона, а нормы, посредством не наказания, а контроля, и осуществляет себя на таких уровнях и в таких формах, которые выходят за пределы государства и его аппарата»¹⁶. Эта власть, названная М. Фуко «дисциплинарной», насильственно преобразовывала повседневную жизнь, под-

¹⁴ Г. Гарфинкель, *Исследования по этнометодологии*, СПб 2007, с. 47–86.

¹⁵ М. Вебер, *Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения*: Пер. с нем, Москва 1990, с. 153–154.

¹⁶ М. Фуко, *История сексуальности*: Пер. с нем, Москва 1996, с. 118.

чиняя традиционные устои новым институтам модерна, таким как фабрика, армия, больница, школа, система профессионального обучения, рабочий дом для бродяг и нищих, тюрьма. Дисциплинарная власть распоряжалась не только пространством и временем. Как власть над жизнью, ее процессами она тотально починила повседневность постоянному и целенаправленному воздействию. Эти два указанных обстоятельства придавали западному обществу стабильность при всех исторических потрясениях.

В отличие от европейских процессов, в России на протяжении всей истории отчетливо проявлялось пренебрежение повседневностью, легкость ее радикального разрушения во имя «светлого будущего». Все российские модернизационные проекты (относительно успешные – при Петре I, Александре II и И.В. Сталине и неудачные – при Александре I, М.С. Горбачеве и Д.А. Медведеве), в сущности, носили догоняющий, экзогенный характер. Ни один из них (за исключением, может быть, петровских реформ) не был комплексным и не затрагивал одновременно все сферы общественной жизни. Сопровождающие эти модернизационные проекты социокультурные трансформации характеризовались заимствованием иностранных идей, ценностей, форм организации жизни.

Каждая из попыток модернизации в той или иной мере изменяла повседневную жизнь. В свою очередь, повседневность в той или иной мере становилась причиной и источником инноваций, лежащих в развитии общества. Другими словами, повседневность, хотя и обладает устойчивостью и стабильностью, не противостоит изменениям, как утверждают некоторые исследователи. Поэтому проблема российских преобразований, включая «перестройку» и рыночные реформы 1990-х гг., состояла не в торможении преобразований «реакционными традициями», как часто утверждают неудачливые реформаторы, а в отсутствии устойчивого срединного, повседневного уровня бытия, на котором преобразования могут закрепляться в стабильных, органичных структурах. В этой связи, приведем постулат Ю.Лотмана о приоритете взрыва как формы развития русской культуры перед постепенностью. Ученый прав, отмечая, что бинарное противопоставление противоположных интенций при каждой трансформации приводит к глубинным переменам, затрагивающим все сферы общественной жизни, включая и повседневность, даже если, выражаясь его словами, «взрывные» изменения далеко от нее отстоят: «Даже там, где эмпирическое исследование обнаруживает многофакторные и постепенные процессы, на уровне самосознания мы сталкиваемся с идеей полного и безусловного уничтожения предшествующего и апокалиптического рождения нового»¹⁷.

---

¹⁷ Ю.М. Лотман, *Культура и взрыв*, Москва 1992, с. 268.

Сложившийся тип повседневности в советское время имел очень небольшую глубину истории, унаследовал крайне мало преемственных форм с дореволюционными, поскольку изначально был построен на их отрицании. В этом была принципиальная уязвимость советской культуры повседневности, ставшей, в свою очередь, объектом деструкции в постсоветский период. Современная российская система повседневного мира, по сравнению с предыдущим историческим периодом, существенно изменилась: значительно расширилась номенклатура используемых вещей и предоставляемых услуг: имущество россиян, составляющее предметную среду их повседневной жизни, меняется довольно быстро и в целом, безусловно, нарастает, причем преимущественно за счет высокотехнологичных товаров. Признавая, что современное российское государство, практически отказалось от организации, планирования и контроля над системой повседневного мира, что, естественно, сказывается на обыденной жизни россиян, отметим все же, что оно опосредованно, через модернизацию экономической жизни, управления, социальную политику инициирует соответствующие процессы и в повседневной жизни. Вызывают изменения в структурах повседневности и независимые от государства институты, фирмы, общественные организации, включенные в экономику общества потребления.

Исходя из вышерассмотренных положений, сформулируем основные направления воздействия изменения повседневности на российскую политическую жизнь.

а) влияние изменяющихся норм и правил повседневного бытия на институциональность общества

Институализация и повседневность выступают как взаимозависимые составляющие, где нормативные установки определяют и регулируют каждодневное поведение субъектов, а повседневное бытие способствует выработке институциональных норм, основанных на прагматизме и общезначимом понимании их необходимости. Повседневное бытие выступает как системообразующее состояние, в соответствии с которым задаются структурные детерминанты, определяются социальные действия и система отношений, а также вырабатываются поведенческие установки в соответствии с потребностями социума. Роль повседневности, несмотря на часто скептическое отношение к ней, в институализации общества огромна: она, во-первых, является связующим, институциональным звеном, присущим всякому обществу, во-вторых, объединяет отдельные элементы человеческого бытия в единое целое, в третьих, отражает даже незначительные изменения

в ее нормировании. Поэтому повседневность обнаруживает себя при любых условиях существования человека и независимо от исторической эпохи способствует выработке норм поведения, стимулирует ускорение адаптационных процессов практических знаний и формирование установок общественного бытия не просто обезопасивших каждодневное существование человека, но и урегулировавших межличностные и социально-культурные отношения.

Трансформация институтов, регулирующих повседневное бытие современного общества, проявляется с того момента, когда формальные институты начинают заменяться неформальными нормами и правилами. Видоизменение и приспособление формальных правил и норм к обыденным практикам приводит к двойственной социализации и образованию «институциональных ловушек», подрывающих доверие к политическим институтам и системе права. Неформальные правила повседневного бытия по-разному воздействуют на институциональность общества, на особенности пути модернизации институтов. Произошедший в постсоветском обществе «надлом» традиционных и ценностных установок, способствовал деформации существовавших норм и правил, усилил рискогенность повседневного бытия российского общества, обозначил известный приоритет неформальных норм над формальными. Это вносило дезорганизацию в существовавший институциональный порядок и, в известной мере, способствовало изменению социальных институтов.

б) влияние изменения физических границ повседневного пространства

В современном мире наиболее заметные отличия в повседневном бытии, мышлении и мировоззрении можно наблюдать в видоизменяющихся пространствах быта, предметного мира, обыденной рефлексии, переживаний человека. Жизненное пространство – это зона вовлеченности личности в мир, пространственная структура бытия человека, охватывающая географически определённое место пребывания индивида, своеобразие его природной и социокультурной среды, жилище, мебель, окружающие вещи, рабочее место, обычные маршруты передвижения, места проведения досуга и т.д., детерминированная человеческой субъективностью и рассмотренная сквозь призму субъективного восприятия. Именно жизненное пространство обеспечивает протекание повседневной жизни людей, их взаимодействие, уклад их непосредственного бытия.

В современном мире организация пространства зависит от параметров техники, скорости её работы и стоимости её использования. По выражению Тимоти У. Люка, «пространство, построенное с помощью такой техники,

носит совершенно иной характер: это сконструированное, а не Богом данное, искусственное, а не естественное пространство; информация в нём передаётся машинами, а не людьми, оно рационализировано, а не обобществлено, его масштаб – национальный, а не локальный»¹⁸.

Характеризуя пространственные трансформации, Э. Тоффлер и Х. Тоффлер говорят о наступлении периода «пространственной турбулентности»¹⁹. Они отмечают, что современный человек постоянно пребывает в движении, причём это воспринимается как норма. Если две тысячи четыреста лет назад в Древнем Китае, где крестьяне были привязаны к земле, философ Чжуан-Цзы говорил, что люди, которые путешествуют по свету, «вносят беспорядок, они беспокойны, лживы и тайно замышляют дурное», то сегодня пространственные перемещения стали вполне естественными, ведь около 8% населения Земли – примерно полмиллиарда человек – хотя бы раз в год пересекают границу своей страны²⁰. Сегодня отдых, туризм, учеба, работа за границей стали в России массовым явлением. Хотя не надо преувеличивать его масштабы: по данным Левада-центра, на начало 2013 г. 70% россиян никогда не выезжали за границу, у 83% не было загранпаспорта. Но и 30% выезжавших и 17% имеющих загранпаспорта – это серьезные цифры²¹.

Персональная география человека постоянно меняется. Причём меняется не только место его физического местоположения. Современный человек регулярно общается с людьми, находящимися в разных уголках земного шара посредством электронной и обычной почты, телефонных звонков и видеосвязи. Изменяется пространство российских городов, где часто с целью создания новой среды обитания для людей с ориентациями на инокультурные образцы идет процесс фактического уничтожения историко-культурного наследия. Происходит, выражаясь словами Д. Лихачева, подмена кодов культуры. Городская культура наполняется культурными симулякрами сомнительного качества.

Физические границы повседневного пространства задают программу организации искусственной среды обитания, определяют среду бытия, моделируют характер взаимодействий, воздействуют на род занятий индивидов, обеспечивают чувство безопасности и защищенности, формируют понимание ценностей и определяют набор вещей, необходимых для повседневного существования.

¹⁸ Цит. по: З. Бауман, *Глобализация. Последствия для человека и общества*: Пер. с англ., Москва 2004, с. 31.

¹⁹ Э.Тоффлер, *Революционное богатство*, Москва 2008, с. 99.

²⁰ Там же, с. 114.

²¹ Левада-центр. *Опрос 16–19 марта 2012*, <http://www.levada.ru/05-04-2012/70-rossiyan-nikogda-ne-byvali-za-granitsei.12.07.2015>.

в) влияние потребительства, культа вещей на политическое поведение

Пространство повседневности, неотделимо от заполняющих его вещей. В «Протестантской этике» М. Вебер пишет, что потребительство служит человеку²² средством удовлетворения материальных потребностей и становится целью его жизни. В современном российском обществе наблюдается культ вещей, которые не просто перекраивают повседневное бытие, но и вторгаются в пространство, отведенное человеку (роботы), в его тело (имплантаты), не оставляя место традиционному пониманию телесности.

Стремление «иметь», тяготение к безграничному потреблению в постсоветский период стало навязываться, формироваться СМИ и рекламой. Однако ценностная ориентация на приобретение вещей приводит к господству материальных интересов над духовными, к индивидуализму и эгоизму. Духовное развитие личности заменяется потребительством и рационализмом, которые принижают духовную сферу. Хабитуализация идеи обогащения, потребительская культура ведет к онтологическому разрушению социального порядка, последствием которого является низведение человеческого существования на уровень существования вещи, соответствующей моде и всеобщей стандартизации жизни. Вирус накопительства заражает все общество. Такое общество меняет интересы граждан: от приоритета общественных переходит к индивидуализму, постепенно гасит желания участвовать в решении общественных дел, быть политически активными. Оно не в состоянии сохранять свою культуру, национальную идентичность, прежние здоровые нормы повседневного бытия. Общество задает новые границы организму, а организм ставит пределы обществу, загоняя в стандартные нормы всевластных потребительских предпочтений, регулируя по своему усмотрению поведение субъектов и закрепляя новые типы идентичностей. Так потребление постепенно переходит в категорию устоявшихся поведенческих норм, играя роль основного руководства поведением индивидов в их повседневной жизни.

Многие изменения в социокультурной жизни России (опосредованно и в политической) начались с изменений в сфере потребления. Их укоренение было связано с обращением к подсознательному в психике людей, апелляцией к иррациональному. Так, изменение в потреблении продуктов в России в течение двух десятилетий на уровне повседневности осуществлялось через создание супермаркетов, ресторанов инонациональной кухни,

---

²² М. Вебер, *Протестантская этика*, [в:] М. Вебер, *Избранные произведения*, Москва 1990, с. 206.

распространение различных кулинарных стилей. Американский гамбургер, итальянская пицца, японские суши стали своеобразными символами перемен, а Coca-cola и Pepsi-cola обозначением «поколения пепси» — молодых людей, для которых газированный напиток в сочетании с сигаретами «Marlboro» и «Kent» воплощал «западную мечту». Чипсы и попкорн превратились в неперемный атрибут посещения кинотеатров. Заметим здесь, что исчезновение традиции питания ведет к разрушению одной из основ идентификации личности и всей нации с предшествующей культурой.

Еще одной активной сферой обновления для российских граждан стал внешний вид — одежда, обувь, прически. Сотни тысяч перекупщиков уже в первые постсоветские годы снабдили одежду страну сначала по образцам Китая, а затем Кореи, Турции и Польши. В это же время открылись «бутики», магазины готовой одежды, задающие иные, западные параметры внешнего вида товарами из Италии, Германии, Австрии, Канады, США. Одежда стала различаться по назначению, в отличие от прежде бытовавшего отечественного универсального подхода, по маркам, престижу и лишь в последнюю очередь по соответствию внешнему виду. Помимо одежды появились различные, ранее непривычные аксессуары. Социально-психологическим механизмом освоения моды на эмоциональном уровне стало заражение — желание идентифицировать себя с привлекательным образом западной жизни.

Возможность и сознательность подражания выбранным образцам духовного и предметного мира фактически исподволь приводили к глубокому изменению личности, переосмыслению ее прежнего образа жизни. Знаками нового стиля жизни стали также автомобили — «иномарки».

Важнейшим фактором, приведшим к радикальным переменам в российской интеллектуальной жизни, стали поездки за границу. Из этих поездок россияне привозили не только вещи, напоминающие о чужом быте, но и впечатления о другом образе жизни, общественного устройства.

Таким образом, фактором внешней и внутренней культурной динамики российского общества становится инокультурный габитус. Основанный на чужих ценностях, культе потребления, он затрудняет социализацию российских граждан в традиционной культуре, поскольку ставит под сомнение необходимость поддержания преемственности и сохранения традиций в развитии общества, порождает иллюзорное симулятивное сознание, инокультурную ментальность, вседозволенность. Как итог, люди, стремящиеся к инокультурным заимствованиям, конструируют социальный мир «псевдокультуры». Но они не могут сложить из созданных по чужим образцам элементов внутренне связную картину своей жизни (или чужой жизни в своей), русский человек, усваивавший инокультурный габитус, утверждая чужебытность, становится «своим среди чужих» и «чужим среди своих».

г) изменение коммуникативного пространства повседневного бытия

Коммуникационное пространство представляет качество внутреннего содержания повседневной деятельности индивидов. Поскольку повседневность является своеобразной системой общественных отношений, то она не может существовать вне коммуникации как способа передачи информации. Коммуникация выступает способом бытия повседневности. Модификация коммуникационного пространства существенно влияет на социальные стороны жизни общества, корректирует поведенческие стандарты, ценностные ориентиры индивидов, что в совокупности ведет к изменению специфики обыденности, топологических характеристик бытия.

Если на ранней стадии развития человека, на этапе невербального, знакового общения, коммуникативное пространство ограничивалось рамками визуальной доступности, то в период вербального обмена информацией, оно расширилось до предела звуковой досягаемости человеческого голоса, а в условиях современных технических возможностей границы общения практически разрушены.

Одним из наиболее важных явлений, в корне изменившим повседневность, трансформировавшим время и пространство, стало превращение интернета из чисто информационного фактора, инструмента профессионального деятельности, поиска информации в феномен повседневности, своеобразный аналог радиовещания и телевидения, форму времяпрепровождения, составляющую частной жизни человека. По данным Фонда «Общественное мнение» 73,8 миллиона россиян (63% взрослого населения страны) пользовались интернетом хотя бы раз в месяц. 60,8 миллиона человек (52% взрослого населения РФ) ежедневно выходят в Сеть. В 23% российских семей есть дети моложе 18 лет, которые пользуются интернетом²³.

Для подрастающего поколения россиян он становится школой жизни. Политические последствия использования интернета противоречивы. С одной стороны, он позволил снять географические и структурные ограничения прямого политического участия, изменил политический радиус деятельности отдельных личностей и общественных организаций, снял дистанцию между гражданами и лицами, принимающими политические решения, расширил горизонты гражданственности, облегчил достижение сплоченности. Интернет минимизировал затраты на согласование возможных путей политического взаимодействия, между индивидами, придержи-

---

²³ Опрос проведен в апреле 2015 г. с выборкой, репрезентирующей население России старше 18 лет. Опубликован 03.06.2015 источник: Фонд «Общественное мнение» (ФОМ).

вающимися схожих взглядов, но не взаимодействующих непосредственно, поставил вопрос о возможности создания виртуальных политических структур. С другой стороны, современные информационные технологии, по мере расширения их применения в повседневной жизни, делают общество более уязвимым перед политическим контролем, создают возможности для авторитарной социализации и манипулятивного воздействия на человека.

Латентные последствия изменения российской повседневности

Изменение политической, экономической системы в России, произошедшее в конце XX века, повлекло за собой радикальную трансформацию существующей повседневности большинства социальных групп. С одной стороны, потеря значительной частью населения прежнего социального статуса и уровня благосостояния сопровождалась аномией, моральной деградацией, развитием деструктивности в их поведении. С другой стороны, быстрый рост благосостояния другой части населения, названной «новыми русскими», также привел к радикальным изменениям повседневности, которые не были подготовлены предыдущим развитием. Отсутствие повседневной культуры богатства, не сложившиеся стандарты поведения привели к аномии и в этих материально благополучных группах. Имущественное расслоение российского общества своим следствием имело раскол и потерю коммуникации между группами, существенные изменения претерпевали прежние ценности, связанные с ними правила поведения, роли и статусы, оценки, целеполагание и формы рациональности.

Деконструкция политического участия и гражданской активности, присущего России в начале 90-х годов, привела к снижению количества активных участников уличного противостояния, но впоследствии она негативно сказалась на развитии гражданского общества. Обратной стороной «реабилитации повседневности» стал растущий нигилизм в отношении «большого мира», проявляющийся, в частности, в гражданской демобилизации населения. По данным социологов, по сравнению с 2003 г., в 2010 г. доля респондентов, не участвующих ни в одной из тестируемых форм общественной жизни, возросла с 56% до 70%, и по показателям гражданского участия Россия существенно стала отставать от стран Европы²⁴.

Авторы социологического исследования «Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений» отмечают, что по сравнению

---

²⁴ М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, *Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад*. Москва 2010, с. 95.

с советским периодом в повседневности россиян «произошла инверсия стандартов повседневного поведения и связанных с ними инструментальных ценностей. В современном российском обществе распалось единое нормативно-ценностное ядро, представленное базовыми для всех культур, называющих себя цивилизованными, нормами и традиционными для русской культуры ценностями»²⁵. В результате стала формироваться повседневная среда обитания, насыщенная конфликтами, агрессией, тревогой, неуверенностью в будущем, сложная для выживания большинства социальных групп.

С другой стороны, в результате «реабилитации» повседневности произошло изменение жизненных приоритетов в сознании россиян. Сфера «малого мира» – мира повседневности – семья, родственные и дружеские отношения выдвинулись на первый план²⁶. Уход большинства населения в «малый мир» повседневности означал его нежелание принимать на себя ответственность за происходящее в большой политике, в экономике. Одновременно с неприятием в возможности очередного рационального переустройства росло недоверие к социальным и политическим институтам.

Резюмируя вышеотмеченное, скажем, что

1. технологическая модернизация повседневной жизни в России в значительной мере осуществилась. Ее особенностью стало то, что она не инициировалась сверху, не проводилась за счет ущемления или экспроприации каких-то социальных классов или слоев, она не была затратной. Это была модернизация, ориентированная на гражданское общество, поскольку повседневность – это атрибут и измерение этого общества.
2. массовое политическое поведение россиян неоднократно меняло вектор идейно-политической направленности, оно сегодня дифференцировано по мотивам, интенциям и формам.
3. резкое падение жизненного уровня большинства населения, политические и финансовые кризисы (1993, 1998 гг.) генерировали рост недовольства либеральными моделями демократии и рыночных отношений. Это порождало политическую апатию, отчуждение масс от политики, конформистское политическое поведение. Разочарование масс в демократической модели развития, сочеталось со склонностью к авторитаризму, готовностью поддержать силы, способные навести порядок в стране. С другой стороны, это требовало изменения политического курса.
4. современные тенденции в повседневной жизни России сводятся к:

---

²⁵ *Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений*, Москва 2009, с. 49.

²⁶ М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, *Готово ли российское общество к модернизации...*, с. 13, 54.

- а) постепенному продвижению от ограниченной возможности рационального массового политического поведения, неустойчивости политических предпочтений и ориентиров, хаотичности, растерянности, дезориентированности части населения в происходящем, дистанцированности от политики – к рационализации его, поиску демократической модели общественного устройства.
- б) распространению демократических тенденций в сознании россиян.
- в) стремлению масс не быть лишь молчаливым участником, не просто приспособливаться к политической реальности, а реально влиять на нее.

РЕЗЮМЕ

в статье показывается, что все попытки модернизации в России, в той или иной мере, сопровождались изменением повседневности. В отличие от европейских процессов, в России на протяжении всей истории отчетливо проявлялось пренебрежение повседневностью. Автор анализирует основные направления воздействия изменения повседневности на российскую политическую жизнь: влияние изменяющихся норм и правил повседневного бытия на институциональность общества; изменения физических границ повседневного пространства и коммуникативного пространства повседневного бытия, привнесенного потребительства, культура вещей на политическое поведение.

Ivan Vladimirovich Radikow

MODERNIZATION OF RUSSIAN EVERYDAY LIFE IN THE LATE XX-EARLY XXI CENTURY: THE EFFECTS AND IMPACT ON POLITICAL ACTIVITY OF CITIZENS

The paper shows that all attempts at modernization in Russia, in one way or another, accompanied by a change in everyday life. In contrast to the European processes in Russia throughout history clearly manifested neglect everyday. The author analyzes the main directions of change impact on everyday Russian political life: the impact of changing regulations at the institutional everyday life of society; changes in the physical boundaries of everyday space and communication space of everyday life, to introduce consumerism, the cult of things on the political behavior.

KEY WORDS: *everyday life, being, the everyday world, the structure of everyday life, the modernization*

Библиография

- А.В. Ахутин, *Мир повседневности*, [в:] *Теоретическая культурология*, Москва, Екатеринбург 2005.
- П. Бергер, Т. Лукман, *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*, Москва 1995.
- Г. Гарфинкель, *Исследования по этнометодологии*, СПб 2007.
- М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, *Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад*, Москва 2010.
- Л.Г. Ионин, *Повседневная культура*, [в:] *Культурология XX век. Энциклопедия*, Т. 2, СПб 1998.
- Г.С. Кнабе, *Диалектика повседневности*, [в:] *Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима*, Москва 1993.
- Ю.М. Лотман, *Культура и взрыв*, Москва 1992.
- Б.В. Марков, *Храм и рынок. Человек в пространстве культуры*, СПб 1999.
- Э. Тоффлер, *Революционное богатство*, Москва 2008.
- С.М. Фролова, *Повседневность как основа институционализации общества*, «Известия Саратовского университета», Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика 2012, Выпуск № 3, Т. 12.
- А. Шюц, *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*, Москва: Институт фон- да «Общественное мнение» 2003.
- А. Шюц, *Структура повседневного мышления* « СоцИс» 1988, № 2.
- Н. Элиас, *Понятие повседневного*, [в:] *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*, СПб 2001.